

Е. И. Романова

*Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара***ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЕ КЛЮЧИ ПРОЧТЕНИЯ БУНИНСКОЙ
ПОВЕСТИ «ДЕРЕВНЯ»**

Зроблена спроба виявлення внутрішньої полемічності, що зв'язує повість Буніна «Деревня» зі значимим вектором суперечок про долю Росії, що розгорнулися на рубежі століть. Переосмислення соборності як принципу російської історії виразно відчувається у повісті І. Буніна «Деревня». Концептуальність задуму позначена письменником вже в назві, яка структурується за поміченою О. Пушкіним омонімічністю «О, Rus!» – «О, село». Історія Дурновки стає «відколом» з історії Росії, а в персонажах повісті притчево укріплюються національні риси російського характеру. Зовні розрізнені епізоди повісті об'єднуються в цілісне панорамне зображення наскрізним, орієнтованим на старозавітну історію, сюжетом. Інтерпретаційним кодом розповіді стає мрія господарника Тихона стати «новим Авраамом». Не маючи дітей від своєї старої дружини, він бере в наложниці Молоду. Відсилання до біблійних образів рабині Агар і вільної Сарри, метафорично позначених митрополитом Іларіоном як втілення принципів Закону та Благодаті, структурує «історіософські» прогнози Буніна про прийдешню долю Росії. Бездітний господарник Тихон віддає Молоду – Агар в дружини «зарізяці»-пролетареві Денискові. Зрозуміла у функції Великої матері Молода бунінської повісті символічно зрівнюється з Росією: від кого «понесе» вона, той і стане прабатьком нового народу.

Ключові слова: соборність, старозавітні алюзії, православний соціалізм, кодова заданість тексту, вейнінгеріанство.

Предпринята попытка явления внутренней полемичности, связывающей повесть Бунина «Деревня» со значимым вектором споров о судьбе России, развернувшихся на рубеже веков. Переосмысление соборности как принципа русской истории отчетливо ощущается в повести И. Бунина «Деревня». Концептуальность замысла обозначена писателем уже в названии, обыгрывающем замеченную А. Пушкиным омонимичность «О, Rus!» – «О, деревня». История Дурновки становится «сколом» с истории России, а в персонажах повести притчево укрупняются национальные черты русского характера. Внешне разрозненные эпизоды повести объединяются в целостное панорамное изображение сквозным, ориентированным на ветхозаветную

историю, сюжетом. Интерпретационным кодом повествования становится мечта хозяйственника Тихона стать «новым Авраамом». Не имея детей от своей престарелой жены, он берет в наложницы Молодую. Отсылка к библейским образам рабыни Агари и свободной Сарры, метафорически обозначенных митрополитом Иларионом как воплощение принципов Закона и Благодати, структурирует «историософские» прогнозы Бунина о грядущей судьбе России. Оставшийся бездетным хозяйственник Тихон отдает Молодую – Агарь в жены «живорезу»-пролетарию Дениске. Понятая в функции Великой матери Молодая бунинской повести символически уравнивается с Россией: от кого «понесет» она, тот и станет прародителем нового народа.

Ключевые слова: соборность, ветхозаветные аллюзии, православный социализм, кодовая заданность текста, вейнингеризм.

In focusing on the center of the problem of sex bizarre turn of the century and ideas refracted Russian catholicity, and psychoanalytic confidence opportunities to streamline dark instincts, and the modernist dream of the transformation of man's world. With the publication in 1908 of the book O. Weininger «Sex and Character» problem of sex was involved in an unexpected context of long-standing dispute Slavophiles and Westerners on the historic mission of Russia. O. Weininger, denoting the essential difference between «male» (active, create, personal management) and «female» (passive, amorphous), this difference is projected at historical destinies of nations. Defending the idea of «normality» and male «inferiority» of women, he contrasted the typical «femininity» of the Jewish people «male» mentality of the western state. In the minds of Russian gender correlation with Russian woman symbolizes a particular type of device conciliar social relations based not on the mandatory execution of the dead «Law» and the free adherence of brotherly love to live «Grace». Polemical rethinking of catholicity as a principle of Russian history is clearly felt in the story of Ivan Bunin «The Village». Conceptual design writer already designated in the title, beat noticed by A. Pushkin homonymous «O, Rus!» – «O, village». History Durnovka becomes «cleavage» with the history of Russia, and in the parable story characters become larger national traits of the Russian character. Externally disparate episodes together into a seamless story panoramic image through-oriented Old Testament story, story. Interpretive code narrative becomes dream Tikhon become «the new Abraham». Not having children of his elderly wife, he takes a concubine Young. A reference to the biblical image of the slave Hagar and Sarah free, metaphorically designated Metropolitan Hilarion as the embodiment of the principles of law and grace, structures «historico» Bunin forecasts future fate of Russia. Remaining childless is given to young handyman Tikhon to wife proletarian Deniska. Understood as a function of the Great Mother Young Bunin's story symbolically equated with Russia, from whom the «bear» it, will become the progenitor of a new nation.

Key words: Cathedral, the Old Testament allusions, orthodox socialism, code jobs text, veyningermanstvo.

В начале XX века предчувствие неизбежности революции актуализировало стремление выявить национальные и ментальные особенности особого «русского пути» и целостно осмыслить историю России в контексте мирового исторического процесса. Подчеркивая особый характер русского философствования, В. Занковский писал: «Русская мысль сплошь историософична, она постоянно обращена к вопросам о «смысле» истории, конце истории и т. п. [7, с. 3]. Накануне русской революции литература облекала историософский поиск в плоть и кровь художественных воплощений.

Целью статьи является выявление внутренней полемичности, связывающей повесть Бунина «Деревня» со значимым вектором споров о судьбе России, развернувшихся на рубеже веков. Повесть Бунина была опубликована в 1910 году и уже в самом названии «Деревня» явственно отслеживается отсылка к поразившему еще Пушкина совпадению: «O, Rus!» (O, деревня). Один из героев повести говорит о России: «Да она вся – деревня» [4, т. 3, с. 58]. Исследовать деревню – значит понять и Россию, ее прошлое, настоящее, будущее, выйти к глубинным основам русского бытия. История Дурновки становится «сколом» с истории России, а в персонажах повести притчево укрупняются национальные черты русского ха-

рактера. Внешне разрозненные эпизоды повести объединяются в целостное панорамное изображение сквозным, ориентированным на ветхозаветную историю, сюжетом.

Предпринятое в 1907 году путешествие по Ближнему Востоку позволило писателю ощутимее постичь мир Библии и Корана. Очерку «Иудея» предпослан эпиграф из Книги пророка Иезекииля. Бунин видит «Поля мертвых» – «нищие, хромые, слепые и увечные на каждом шагу – вот она подлинная Палестина древних варваров, земных дней Христа» [4, т. 3, с. 540], мрачно украшенная, будто пятнами пролитой крови, цветами мака. Здесь умер не только великий народ, но и умерли его великие Боги – «жизнь совершила огромный круг, создала на этой земле великие царства и, разрушив, истребив их, вернулась к первобытной нищете и простоте» [4, т. 3, с. 545]. Историческая страна превратилась в огромное то ли кладбище непогребенных человеческих костей, то ли пастбище, где только вечные пастухи из некогда великого колена Авраамова неспешно и равнодушно пасут черных коз. Одиноко стоящая среди безлюдной пустыни маленькая крепость, где почивают Авраам и Сарра, прародители великого народа, в котором, по обещанию Бога, «людей будет столько, сколько песчинок на земле и звезд на небе, и который овладеет всей землей Ханаанской», вызывает у писателя чувство скорбной иронии.

Странное дело, но Бунину Иудея напоминает Россию, и плач Иеремии вдруг отзывается в его душе ностальгической болью о Родине. Путешествие вглубь веков обернулось размышлениями об исторической судьбе своей собственной страны. Предчувствие скорой национальной катастрофы заставляет писателя увидеть будущие «поля мертвых» в России – «Совсем опустели наши Палестины», – будто вторя автору очерка «Иудея», сокрушается о России один из главных героев «Деревни» Тихон Красов.

Не менее, а может быть, и более концептуально значимой для выражения историософской позиции писателя становится реализованная в сюжете «Деревни» отсылка к «Слову о Законе и Благодати». Митрополит Иларион раграничивал Закон и Благодать, аллегорически представляя их в образах Сарры и Агарь («Прообраз же закона и благодати – Агарь и Сарра, рабыня Агарь и свободная Сарра») [8], и утверждал Благодать (Сарру) как принцип русской истории. В Благодати, принявшей форму соборности, русские философы видели оправдание и высшее предназначение России. «Женственная» Россия противопоставлялась жестко структурированному мертвым, не знающим любви и милосердия Законом «мужественному» Западу [6].

Бунин полагает, что Россия еще не вошла в состояние политической, религиозной, нравственной и государственной зрелости – история России все еще остается историей родовой, что сближает «Деревню» с ветхозаветной Книгой Бытия. «Прадеда Красовых, прозванного на дворне Цыганом, затравил борзыми барин Дурново. <...> Деду Красовых удалось получить вольную. Он ушел в город – и скоро прославился: стал знаменитым вором. <...> А родитель Красовых был мелким шибам. Ездил по уезду, жил одно время в родной Дурновке, завел было там лавочку, но прогорел, запил, воротился в город и помер» [4, т. 3, с. 7] – так, подчеркнута не агиографически, начинается повествование о роде Красовых Бунин. История России понята Буниным как история родовая, и это важнейшая отличительная черта его «Деревни». Калейдоскоп судеб, историй, притч существует и имеет смысл лишь в теснейшем сцеплении с общей русской национальной судьбой.

Сыновья заканчивают родословную Красовых. Кузьма ощущает себя «бесплодной смоковницей». Без детей и реализованного смысла подходит к концу его жизнь. Тихону Бог не дает детей: немая кухарка, родив Тихону сына, приспала его во сне; жена его – Настасья Петровна – все рождает мертвых девочек. Но

сам Тихон ощущает себя новым Авраамом: лезут ему в голову кощунственные мысли – «он все сравнивал себя с родителями святых, тоже долго не имевшими детей» [4, т. 3, с. 11]. Мотив долгого бесплодия часто повторяется в родословных патриархов, и Книга Бытия, с ее главенствующим родовым принципом, цементирует пространство бунинской повести. Россия стоит на пороге новой истории, и будущие отцы определяют будущее детей. Рождение ребенка для Тихона символизирует реализацию в историческом будущем, дарование Богом родового бессмертия. И он страстно жаждет продолжения своего красовского рода. Для него ребенок – мистический знак свыше, признание Богом ценности его собственной жизни. Ирония Бунина заключается в том, что включаемые им в повествование пророчества несут вполне ощущаемый зловеще-издевательский оттенок. Так, оракул на вопрос Тихона: «Сколько у меня будет детей?» – отвечает: «Судьбой назначено тебе умереть, худая трава из поля вон» [4, т. 3, с. 10]. Во время последней беременности, закончившейся, как и прежние, рождением мертвого ребенка, женой Тихона «овладевает во сне какая-то дикая веселость, соединенная с невыразимым страхом» [4, т. 3, с. 11], пародийно соотносимая со смехом престарелой Сарры, услышавшей пророчество о рождении у нее сына Исаака. По сути, неверующий Тихон жаждет чуда, подсознательно в своем будущем ребенке стремясь воплотиться в будущем России, стать новым Авраамом. В образе хозяйственника Тихона, как нам представляется, художественно отразилась реакция Бунина на очерк С. Булгакова «Народное хозяйство и религиозная личность», в котором поставлена проблема выяснения «экономического потенциала православия» [3, с. 4]. Булгаков рассматривает хозяйство как коллективное мистическое тело. Сам же Бунин не верит в творческую хозяйственность русского народа, чей идеал-мечта емелино существование, вознагражденное русское «авось». «Господи боже, – с отчаянием безнадежной мольбы мучается Тихон, – что за край! Чернозем на полтора аршина, да какой. А пяти лет не проходит без голода» [4, т. 3, с. 14].

Аллюзии ветхозаветной истории сопровождают все повествование, они цементируют собой текст, возникая каждый раз в кульминационные моменты его развития. Тихон, следуя сюжету истории Авраама и Агари, берет себе в наложницы служанку – Молодую. Им движет, по сути, не похоть и не любовь, – скорее, здесь можно говорить о феномене «имитационного желания», чуда аналогии, страсти родового воплощения: Тихону уже сроднилось пятьдесят лет, но мечта стать отцом не покидала его. Бунин отступает от библейских трактовок: Авраам родил Исаака... Исаак родил Иакова... Иаков родил Иосифа... и т. д. У него родовой потенцией обладает именно женщина. Центральное положение Молодой, с которой связывается будущее России и которая сама отождествляется с Россией, во многом может быть прояснено в контексте той полемики, которую вызвало появление в 1908 году перевода книги О. Вейнингера «Пол и характер». Идеи Вейнингера причудливо пересекались с основными положениями русской философии серебряного века, соединившей идеи соборности и эротизма. В онтологическом смысле, утверждал австрийский философ, женское начало есть Ничто, форма, лишь принимающая то содержание, которое привносит в нее мужчина. В современной ему культуре он с ужасом констатирует триумф женского, усматривая в нем симптом отмирания мужественности и духовной жизни, и интерпретирует сексуальную зависимость мужчины от женщины как источник греха и рабства. О. Вейнингер неожиданно связывает вопрос о поле с проблемой исторических судеб еврейского народа. Судьбу Иудеи определяет, по Вейнингеру, женская в своей основе ментальность, не способная к твердой, кристаллизирующей волю государственности, реализующей себя в соединении нравственных личностей во имя общих целей. Мысль О. Вейнингера, преломленная сквозь призму развернувшейся в русской культуре полемики о высшем предназначении России, во

многим структурирует замысел «Деревни» И. Бунина. Загадочная соотнесенность темы иудейства с мессианско-русской темой становится понятнее в контексте обнаруживающегося сходства русского и еврейского национального мессианизма, «качества государственности, чересчур густо сакрализованной» [1, т. 1, с. 39].

Героиня Бунина, понятая в функции Великой Матери, из лона которой должен выйти новый род, наделяется чертами и утробной матери, и возлюбленной садистического отца, и матери-земли, которая оборачивается молчаливой и бесстрастной богиней смерти. Образ Молодой постоянно дwoится, она соединяет в себе и покорность, и бунтарство, бесстыдство и целомудрие, равнодушную жестокость и иррациональную доброту и жалостливость. Поразительная незаинтересованность в своей и чужой жизни и одновременно полная зависимость будущего России от ее судьбы делают образ Молодой аллегорическим, выносят его за пределы частного факта из жизни русской женщины. Иконность ее монашеского облика подчеркивается Буниным в первой же портретной зарисовке: «стройная, с очень белой нежной кожей, с тонким румянцем, с вечно опущенными ресницами» [4, т. 3, с. 23]. Одновременно в Молодой концентрируется исконная «русскость» – «лицо ее было крестьянски просто и старинно» [4, т. 3, с. 95]. Молодая лишена земной чувственности, она не доступна ни гневу, ни признательности: покорно и бесстрастно отдается она Тихону, взявшему ее силой, покорно терпит побои мужа Родьки, покорно, после его смерти, выходит замуж за «живореза» Дениску. Но за оболочкой внешней апатичной покорности таится бездна, гибельная иррациональность, сама смерть. Стихийность первобытного зачатия не различает добра и зла. В нем амбивалентно соединены будущие рождения и будущие страшные смерти. Молодая – Мадонна «племени, которым умирать не больно». Ее не трогает ничья любовь, ничья забота, ничье желание, ничья ненависть. Она равнодушно и апатично примет любое семя и зачнет новый род. Молодая – божественная форма, мистическое лоно. Кто оплодотворит ее, – тот начнет новую историю России, взамен старой, уже почти исчезнувшей.

Для литературы начала века такая художественная подмена – Родина-женщина – была вполне привычной. На грани приближающейся, предчувствуемой катастрофы Россия все чаще приоткрывает свой холодно страстный, суровый лик и все больше сближается в русском художественном сознании с героинями Захер-Мазоха, одновременно влекущих и грозящих сладостными муками уничтожения. В образе Молодой как и в образах тиранствующих любовниц Мазоха, своеобразно сочетаются черты блудницы, суровой матери, мадонны. Применяя к произведениям «малороссийского Тургенева» (так называли Захер-Мазоха на Западе) технику психоанализа, Ж. Делез отмечал: «Три мазоховские женщины соответствуют трем основным образам матери, каковыми являются: мать первобытная, утробная, гетерическая, мать болот и клоак; мать эдиповская, образ возлюбленной, та, что должна вступить в отношения с садистическим отцом в качестве его сообщницы или жертвы; и между этими двумя – мать оральная, мать степная, великая кормилица, и та, что приносит смерть» [5, с. 234]. Делезовское определение женщин Мазоха во многом оказывается верным по отношению к сублимированному в сознании рубежа веков образу России-женщины.

Г. Адамович отнес «Деревню» к тем романам и повестям, «где то, что картинно называют «исторической Немезидой», присутствовало бы столь грозно, явно, хоть и незримо» [2, с. 57]. Внешне раздробленное на многочисленные эпизоды повествование, обнаруживая стройный замысел писателя, проходит круг от бесплодной мечты Тихона стать новым Авраамом к свадьбе Молодой и Дениски. В Дениске воплощен будущий большевик. Он и есть новый суженый России. Дениска выписан художником с особой тщательностью, ведь

именно ему уготована роль нового, русского Авраама, от него, а не от Тихона пойдет новый род, ему он передает Молодую в жены. В его облике концентрируются черты, раньше с авторскими комментариями отданные другим персонажам: Дениска «коротконогий, с темными, томными глазами, не в меру густыми волосами (вспомним замечание Бунина: и отчего они особенно густы у дураков), с лицом землистым и будто промасленным. Он жесток, хитер, циничен и сентиментален. Между песенником «Маруся», грошовыми книжонками «Жена-развратница» и «Невинная девушка в цепях насилия» обнаруживается и брошюра Ленина «Роль пролетарията в России». И. Ильин назовет Бунина пророком, ясно увидевшим в изображенном им примитиве потенцию и смысл русской революции. Он напишет: «Из этого примитива расхлестнулась в России большевистская стихия; и поэтому Бунин является, в известном смысле, предчувственником, прозорливцем и предсказателем большевизма» [9, с. 62–63].

Молодая кажется в венце «еще красивее и мертвее», и рука ее дрожит, и воск капает на оборки голубого платья, – Дениске же «коротконогому, в чужих сапогах, в чужой поддевке, было неловко и страшно держать на неподвижной голове царский венец с крестом наверху, надетый глубоко на уши» [4, т. 3, с. 114]. И им, царственно-печальной Молодой и похожему на самозванца жениху, читает священник: «Боже пречистый и всея твари содетель... Иже раба твоего Авраама благословивый и разверзый ложесна Саррина...» [4, т. 3, с. 113].

Библиографические ссылки

1. Аверинцев С. С. Судьба и весть Осипа Мандельштама / С. С. Аверинцев // Мандельштам О. Сочинения : в 2 т. / О. Мандельштам; [сост. П. М. Нерлера; подгот. текста и коммент. А. Д. Михайлова, П. М. Нерлера; вступ. ст. С. С. Аверинцева, (с. 5–64)]. – М. : Худож. лит., 1990. – Т. 1: Стихотворения. – 1990. – 464, [1] с.
2. Адамович Г. Одиночество и свобода / Г. Адамович. – СПб. : Алетейя, 2002. – 469 с.
3. Булгаков С. Н. Народное хозяйство и религиозная личность / С. Н. Булгаков // Сочинения : в 2 т. / С. Н. Булгаков; [журн. «Вопр. философии»]. – М. : Правда, 1993. – (Из истории отечественной философской мысли). – Т. 2. – С. 222–239.
4. Бунин И. А. Собр. соч. : в 6 т. / [редкол.: Ю. Бондарев, О. Михайлов, В. Рынкевич; вступ. статья А. Твардовского; сост., подгот. текста и коммент. А. Бабореко; статья «Поэзия Бунина» О. Михайлова]. – М. : Худож. лит., 1987–1988.
5. Делез Ж. Представления Захер-Мазоха // Л. фон Захер-Мазох, Венера в мехах / Ж. Делез ; [пер. А.В. Гараджи]. – М. : Ad Marginem, 1992. – С. 189–312.
6. Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе (к постановке проблемы) / И. А. Есаулов // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр : сб. науч. тр. / Государственный Комитет Российской Федерации по высшему образованию; Петрозаводский государственный университет / [ред. В. Н. Захаров]. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 1994. Вып. 3. – С. 32–60.
7. Зеньковский В. В. История русской философии : в 2 т. / В. В. Зеньковский ; [сост. В. А. Поляков]. – Л. : Эго, 1991. – Т. 1. – Ч. 1. – 543 с. – (Философское наследие России).
8. Иларион. Слово о Законе и Благодати [Электронный ресурс] Сайт Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. – Режим доступа: <http://pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4868>
9. Ильин И. А. О Тьме и Просветлении. Книга художественной критики: Бунин. Ремизов. Шмелев / И. А. Ильин; [послесл., примеч. В. Молодяков; худ. С. Гераскевич]. – М. : Скифы, 1991. – 216 с. : ил.

Надійшла до редколегії 24.04.2014 р.